

ДРЕМЛЮЩИЕ

ВУЛКАНЫ АЙНОВ

АЛЕКСАНДР НАДЫСЕВ

Александр Надысев

Дремлющие вулканы айнов

«Автор»

2022

Надысев А. В.

Дремлющие вулканы айнов / А. В. Надысев — «Автор», 2022

Александр Надысев в книге «Дремлющие вулканы айнов» сумел создать гармонию между документальными фактами и художественной реконструкцией исторических событий XVII-XXI веков с конкретными героями по освоению новых земель и приведению в российское подданство айнов — коренных жителей Камчатки, Курильских островов, Хоккайдо и Сахалина — в непримиримом противостоянии с Японией. Автор книги осветил необычную полную трагизма судьбу айнов, и стремление их потомков к развитию и объединению древнейшего народа

© Надысев А. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Камчатка	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Курилы	21
Глава 1	22
Глава 2	24
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Надысев Дремлющие вулканы айнов

Расселение айнов

Камчатка

AB

Глава 1

С давних времён на Камчатском полуострове, враждуя меж собой, жили эвены, коряки, чукчи, ительмены и другие народности. А на южном побережье Камчатки проживали удивительные племена айнов-курильцев, выбиравших места своего пребывания вблизи вулканов. Но пришло время и русские первопроходцы в погоне за пушниной начали освоение Камчатки и приведение её жителей в российское подданство.

А начиналось это так. Анадырский приказчик Владимир Васильевич Атласов, пятидесятник, глава необъятной Чукотки, узнав о неведомой и очень богатой Камчатке, предложил якутскому воеводе поход за ясаком¹, ценными шкурками соболей и лисиц, в эти неизведанные земли. Воевода, не раздумывая, приказал:

– Велю покорить Камчатку, и добыть ясак с новых верноподданных государя!

И добавил, лукаво улыбаясь:

– Но на поход сей денег не дам.

Так по велению якутского воеводы Владимир Атласов стал за свой счёт готовиться к походу за «рухлядь»² в далёкую и загадочную Камчатку. Казаки его уважали и тянулись к нему. Атласова знали, как человека волевого, целеустремлённого, воспитанного в походных условиях, привыкшего с детства к умеренности и лишениям. В постоянных скитаниях по сибирским тундрам окончательно сформировался его характер, очень жёсткий, предприимчивый, часто беспринципный, и вместе с тем Атласов обладал железной волей и редкой физической выносливостью. На столь масштабное мероприятие ему пришлось одолжить у подьячего Ивана Харитоновича 160 рублей, а у торгового человека Михаила Остафьева взять в долг деньги, с отдачей красными лисицами, и не только у них. На эти деньги Атласов стал нанимать казаков и, конечно же, ясачных юкагиров³, обещая им богатую камчатскую добычу, и они записывались в поход. Без юкагиров, жителей Чукотки и умелых оленеводов, невозможно быстро пройти по заснеженным горам на оленьих упряжках, да ещё в такую даль. Так что без камчатской добычи задолжавшему Атласову лучше не возвращаться в Анадырский острог, и он готовился. С буйными казаками он ночами засиживался, то в приказной избе острога, то в кабаке, обсуждая предстоящий поход на Камчатку. Больше всех высказывали свои соображения казаки Иван Голыгин и Лука Морозко, уже побывавшие на Камчатке. Они за застольем весело переглядывались и балагурили.

– Да, что там, перемахнём через горы и Камчатка наша, – говорил, улыбаясь, Голыгин. – и возьмём, как в прошлый раз, множество соболей и чернобурых лисиц.

– Ага, – смеясь, отвечал Морозко, – забыл, как тебя там дикари подстрелили?

– Да ладно, что нам бояться дикарей с луками, – ответил Голыгин, – вот нам бы в поход поболее оленей с юкагирами, тогда быстрее покорим Камчатку.

– Будут вам юкагиры, – сразу заверил Атласов, – и много оленей.

– Тогда и «рухлядь» тебе добудем! – ответил Морозко, подмигнув Голыгину, – да ещё какую, пушистую!

– Надеюсь на вас, други, – поднял кубок медовухи Атласов. – Так выпьем за казацкую удачу! А тебя Лука я оставляю вместо себя править на Анадыре.

Декабрьским утром 1696 года отряд Атласова численностью в 124 человека вышел из Анадырского острога на оленьих упряжках и двинулся в поход. Отряд состоял из 64-х слу-

¹ Ясак – вид дани, подати.

² Рухлядь – название пушнины, выделанных шкурок пушных зверей для производства меховых изделий.

³ Юкагиры – восточносибирский народ.

жилых, промышленных людей и 60-и ясачных юкагиров, которым предстояло покорить таинственную Камчатскую землю и собрать достойный ясак.

Тремя днями позже в Анадырский острог прибыл новый приказной Постников. Узнав о походе, он велел Луке Морозко догнать и вернуть Атласова, чтобы тот отчитался перед ним. И Морозко помчался вслед за отрядом, даже не думая передавать приказ Постникова. Он догнал Атласова уже в горах и был счастлив, что стал участником этого грандиозного похода.

В январскую стужу 1697 года, перевалив через Корякский хребет, отряд казаков спустился с гор и остановился передохнуть. Перед ними раскинулась неведомая земля с заснеженными горами, сопками и высокими вулканами.

– Камчатка! – радостно закричал Атласов, оглянувшись на казаков. – Здесь обитают коряки, с них и начнём приводить дикарей под царскую руку.

– Откудава таково прозвание Камчатка? – спрашивали казаки друг друга, соскочив с нарт.

– Известно откуда, – ответил седобородый казак и рукой махнул на юг. – Тама течёт большая река Камчатка, названная именем якутского казака Ивана Камчатого, сыскавшего в её устье лежбища моржей, а позже и сия земля стала называться Камчаткой.

– А ну, все по местам! – заорал десятник Морозко. – Ишь, разгалделись.

Казаки нехотя стали садиться на нарты, ворча на десятника, а тот, взглянув на небо, покачал головой:

– Кажись запуржит.

Сплошная хмурая облачность клоками тяжело нависала над суровыми кряжами гор, покрытых снегами, и только в её просветах сверкало своими косыми лучами низкое солнце. Красота!

– Вот она какая, земля камчатов! – озирались молодые казаки, удивляясь необычным искрящимся горам, поросшим лесами.

– Им всё в диковину – ворчали бывалые казаки, как вдруг заметили местных дикарей с луками наготове.

– Ба, да нас уже встречают, – загоготали казаки. – Смотри-ка, луки свои наладили.

Промысловики схватились за ружья и все приготовились к бою.

– Как бы не стрельнули? – вскрикнул кто-то из молодых, и вскинул пицаль⁴.

– Не трожь их, – строго велел Атласов, – это ж горные коряки, мирный народец, да и ясак с них никакой. А нам в путь к Пенжинской губе, вот там возьмём что-нибудь пожирнее и постреляем. Трогай!

Казаки, несмотря на поднявшуюся метель, двинулись в путь, а коряки как появились неожиданно, так и исчезли в лесу. Ветер стих, но снег валил, не переставая, а отряд упрямо продвигался на юг, несмотря на крики недовольных юкагиров, хлеставших оленей. Вдруг небо прояснилось, снег закончился, и выглянуло низкое солнце. Отряд Атласова неожиданно выбрался на высокое скалистое плато. Олени встали. Казаки повыскакивали с нарт, поразмяться... и увидели в дымке синие горы и огромную искрящуюся реку, покрытую льдом.

– Какая ширь! – дивились молодые казаки. – Какая загадочная река!

– Это Пенжинка, – пояснил Атласов. – Здесь будем ставить острог.

Так, прибыв на берега каменистой реки Пенжины, Атласов основал острожек Акланский, а затем – Каменский. Передохнув, он отправил десятника Морозко с казаками дальше по заснеженному льду к устью реки Пенжине, где тот поставил зимовье, назвав его Усть-Пенжинское. За несколько дней Лука Морозко призвал присмиривших коряков под государеву руку, без боя собрав с них ясак лисицами, и вернулся в Каменский острожек.

⁴ Пицаль – длинноствольное огнестрельное ружьё.

В приказной избе острожка тепло и уютно, горела лучина, и пахло свежим срубом. За грубо сколоченным столом сидели приказчик Атласов с десятником Олешко Пещерой и пили крепкий мёд, закусывая сушёной рыбой. Неожиданно в избу вошёл Лука Морозко, перекрестился на икону в красном углу и широко улыбнулся:

– Будь здрав батька.

Атласов, развалившись на лавке, посмотрел на вошедшего Луку и спросил:

– Всё ли сладилось с ясаком?

– Всё, батька, – быстро ответил Морозко.

– Что за народец? – спросил Атласов. – Доложь.

– Коряки пустобородые, – докладывал Морозко, распахнув свой тулуп, – лицом русоковаты, роста среднего, в бога не верят. Живут в ярангах, похожих на островерхие юрты, покрытых шкурами, в очаге – огонь на тюленьем жире, а спят в гамаках. Есть у них шаманы – они бьют в бубны и кричат. Ясак взял лисицами.

– Что же они хотят? – ухмыльнулся Атласов.

– Оружие у них – луки, да копыя, а потому товары им надобны – железо, ножи, топоры. Менять товары им не на что – в устье Пенжины нет соболей, а питаются они только рыбой, – закончил Морозко и посмотрел на приказного.

– Житьё у них скудное, – заметил Атласов, нахмурившись.

Он поднялся с лавки и велел:

– Передохни Лука, и собирай людей в поход за жирной добычей.

Атласов, проводив Морозко, выразительно посмотрел на Олешко Пещеру.

– Более добычи нам не видать, – тихо сказал он и, приложив палец к губам, прошептал. – А потому, Олешко, возьми служилых людей, и иди с ясачным обозом в Якутский город. Отчитаешься тама, но никому ни слова, понял?

Перед рассветом ясачный обоз остановился у ворот острога, и десятник Пещера с передних нарт крикнул:

– Семейка, открывай врата.

– Куды ты, Олешко, в такую рань? – спросил воротник. – А то вчерась, видал я в лесу коряков с луками. Слышь, куды тебя несёт?

– Не твою ума дело! – прокричал десятник на ходу, и обоз скрылся в туманной дымке леса.

«Кабы чего не вышло, – подумал воротник, – а то коряки меткие охотники, подстерегут, не дай Бог».

Уже совсем рассвело, и Семён, увидев казаков, которые готовились к походу, подумал: «Эти робыты, понятно, хотят заясачить коряков, – и стал открывать ворота, как вдруг стрела пронзила его грудь.

«Эх, это не к добру» – мелькнуло в голове Семёна, и он упал на снег. Казаки, увидев в лесу стрелявших дикарей, стали палить по ним из пищалей. Коряки, бросив раненых, в страхе разбежались. Казаки, выдернув стрелу, внесли раненного Семёна в избу, а тот, переживая, шептал чуть слышно: «Как бы не подстрелили мово племяшку, Олешко».

Атласов, увидев стонущего воротника, вздрогнул и участливо утешил:

– Задело тебя чуть, Семейка, терпи – пройдёт, – а сам подумал: «Хорошо, что ночью отправил ясачный обоз в Якутский, а то было б худо».

Вскоре отряд казаков на оленях резво помчался по заснеженному льду реки, и вышел на побережье огромной Пенжинской губы. Не найдя на пустынном побережье никаких корякских селений, отряд остановился и Атласов решил разделиться.

– Ты, Лука, – велел он, – бери людей и иди на восточное побережье Олюторского⁵ моря, ведь ты сюда хаживал с Голыгиным. Смотри, не озоруй, и ясак бери по лисице с души. А я пойду по берегу Пенжинской губы на юг. Если что случится, присылай гонца. Всё, трогаемся!

Десятник Лука Семёнов Морозко Старицын был дерзок, храбр в бою и удачлив в нескончаемых походах, и потому пользовался у казаков заслуженным уважением. И казаки говорили о нём:

– Мы с ним, как у Христа за пазухой.

Перевалив через высокие горы, десятник Морозко с товарищами захватывали поселения олюторских коряков, которых призывая «лаской и приветом», приводили в подданство царю и собирали с них ясак лисицами. Дальше казаки, продвигаясь по побережью, встречали лишь редкие селения коряков и как-то приуныли. И вдруг они увидели чумы любопытных чукчей. Те разбегались, прятались, ещё и отстреливались. Их отлавливали и приводили в российское подданство, а ясак приходилось брать силой. После перестрелки с чукчами, Морозко как-то забеспокоился.

«Что с основным отрядом? – думал он. – Всё ли благополучно у Володимира? А мои-то казачки, как блаженные, идут из леса и даже не оглядываются».

– С дикарями надо держать ухо востро. Ишь, расхрабрились! – закричал на казаков Морозко и велел им садиться на нарты.

Так с мелкими боями казаки Луки Морозко шли на оленях по побережью полуострова, теряя по пути своих товарищей.

⁵ Олюторское море – Боброво море, Берингово море.

Глава 2

Казачий отряд Владимира Атласова продвигался по западному побережью Камчатки. Над морем нависли тяжёлые тучи, неожиданно поднялся ветер, пошёл крупный снег, и на отряд казаков навалилась колючая пурга. И приключения казаков начались. Боязливые коряки, следившие за пришельцами, неожиданно показались из-за камней, но чего-то испугавшись, сразу исчезли.

– Испужались метели, – веселились казаки, прячась в ворота тулупов.

На коротких стоянках возле своих яранг⁶ угрюмые юагиры, вечно голодные, зло переговаривались меж собой, и казаки предчувствуют беду, забеспокоились:

– Как бы, не взбунтовались юагиры. Сбегут ведь, кто будет править оленями?

На побережье обширной Пенжинской губы казаки, наконец, увидели яранги коряков. Призывы и угрозы на них не подействовали, и ясак пришлось брать силой. Полетели стрелы, в ответ загремели пищали, ружья казаков и вскоре, всё стихло.

– Вот и постреляли, – усмехнулся Атласов и, схватившись за свою раненную руку, распорядился. – Ставьте братья зимовье, да покрепче.

А между тем местные ясачные юагиры заступились за коряков, и во главе с Ома и Тыкно взбунтовались. Они ночью в районе реки Паланы вероломно убили трёх казаков, и напали на острожек Атласова, но казаки основного отряда отбили, убив полтора десятка юагиров. В бою погибли пять казаков и более 30 служилых и промысловых людей были ранены. Да и сам Атласов, раненый «во шти местах», встревожился не на шутку и послал верного юагира к Луке Морозко с приказом идти к нему на помощь. Казаки облегчённо вздохнули, увидев подкрепление, а юагиры, сняв осаду, исчезли в лесу. На следующий день потрепанный отряд казаков тронулся в путь.

Вскоре отряды Атласова опять разделились. Морозко пошёл к Боброву морю, по пути покоряя коряков, а Атласов направился вдоль побережья Пенжинской губы, собирая дань и, приводя силой упрямых коряков в подданство российской державе.

Десятник Морозко на побережье Боброва моря срубил временное зимовье и из него пошёл в крупное поселение дикарей собирать ясак. Ему доложили, что коряки задумали что-то нехорошее. Он не придавал значения необычному скоплению коряков у своих яранг, и с ясаком стал возвращаться в зимовье. Обиженные коряки, видя горстку казаков, решили отбить свой ясак, и устроили засаду в урочище реки Кохна. Неожиданно напав на казаков, они убили двух промысловиков и десятника Морозко, и с пушиной скрылись. Так погиб ещё один лихой казак – десятник Лука Морозко. Коряки осмелели и продолжали нападать на казаков, стараясь вернуть своих соболей, но вскоре смирились, потеряв самых смелых воинов.

А казаки Атласова продолжали упорно продвигаться на юг по побережью Пенжинской губы, переходящей теперь уже в море, и грабили южные племена ительменов-камчадалов, продолжая приводить их в подданство русскому царю. На побережье Пенжинского моря казаки срубили зимовье на реке Ичи и устроили под горой загон оленей. Атласов, обойдя свой лагерь, заглянул в чумы юагиров и осмотрел загон оленей.

«Не нравиться мне, что оленей оставили под горой, от зимовья их не видать. Хотя другого места вроде бы не найти», – подумал Атласов и направился спать в приказную избу.

Лишь только рассвело, как к зимовью на трёх нартах прибыли измученные люди десятника Морозко и сразу ввалились в приказную избу.

– Что случилось? – вскочил полусонный Атласов, схватившись за саблю.

⁶ Яранги – островерхие, каркасные сооружения, покрытые оленьими шкурами.

– Мы попали в засаду и Лука Морозко убит, – горестно поведали казаки, – а мы с трудом ушли от погони.

– Как же так? – вскричал Атласов.

– Мы предупреждали его о возможном бунте коряков, но он только смеялся, – оправдывались, было, казаки. . .

Как, вдруг, в зимовье ввалились люди Атласова, и загалдели:

– Коряки ночью угнали всех наших оленей, ведь загон-то был под горой.

– Что? – взревел от ярости Атласов. – Догнать!

– Так не на чем, – развели руками казаки.

– Как, а наши три упряжки оленей? – сразу предложили люди Морозко. – Ну, на коих мы прибыли.

Атласов сразу пришёл в себя и заорал:

– Чо стоите, в погоню! И никого не щадить.

Был бой, оленей отбили, убив при этом с десятков коряков, а остальные разбежались по лесам. Атласов, боясь нового нападения, велел готовиться к походу. Пригнанных оленей юкагиры уже запрягли, а разгорячённые казаки, утирая пот, дружно садились на нарты.

– Поход продолжается, и нас ждут приключения! – наконец улыбнулся Атласов и, садясь на нарты, велел. – Трогай, робята!

И казачий отряд отправился в путь. Атласов, не видя добычи в редких селениях коряков, решил повернуть на восток. Казаки, перебравшись через горный хребет, встали лагерем у реки Тигиль. Весна была в полном разгаре. В апреле реки вскрылись ото льдов, и Атласов велел изготовить байдары. Казаки благополучно спустились к легендарной реке Камчатке, и на её берегах обнаружили множество селений-острогов коряков. Четыре острога с посадами казакам сотника Серюкова покорились без боя. И тем не менее Атласов велел на берегу реки Камчатки поставить острожек, назвав его Верхне-Камчатский. Постоянно боясь измены новых подданных царя, он оставил в острожке десятника Потапа Серюкова с 12 казаками и 30 юкагирами и решил вернуться на побережье Пенжинского моря (Охота-моря) к своему зимовью на реке Ичи, где и расположился передохнуть. Отсюда он посылал казаков отыскивать новые поселения камчадалов и собирать с них ясак.

В верховьях реки Ичи казаки неожиданно обнаружили «полоняника», которого камчадалы называли «русакон». Камчадалы, боясь русского царя, сами привезли пленника к Атласову. Он оказался выходцем с далёкого юга – из Узакинского государства и звали его Денбей. От него Атласов с удивлением узнал, что за Охота-морем есть далёкие страны и понял, что этого Денбея надо доставить к воеводе в Якутск.

Осенью в 1697 году Атласов вышел из зимовья Ича и по побережью пошёл на юг, посылая вперёд казаков выискивать зимовья камчадалов. Наконец, казаки Атласова встретились с камчатскими айнами, которые называли себя «курилами», от айнского слова «кур» – «человек, народ». Они охотились на бобров⁷ и молились на сопки и вулканы, взывая о помощи. Айны-курильцы свободный народ и ясак добровольно не давали, тогда казаки одновременно напали сразу на шесть острожков курильцев. Был бой, в котором более смелые айны противились и погибли, а остальные разбежались.

Десятник Голыгин докладывал:

– Брать в ясак, кроме бобров, было нечего, хотя соболей и лисиц в лесах полно, но айны их не промышляют.

– Зато казаки вдоволь постреляли и помахали саблями, – заулыбался Атласов.

Глядя на толпу унылых айнов-курильцев, он размышлял: «Они видом волосаты, против камчадалов чернее и бороды меньше. Одежду носят такую же, что и камчадалы, но скуд-

⁷ Бобры – камчатский морской бобёр, калан, морская выдра.

нее. Поклоняются «горным духам» вулкана, и приносят им в жертву медведя. Соболя у них есть, но плохие, а бобров и лисиц красных много. Что есть у айнов, то и возьмём».

Атласов с отрядами казаков пошёл дальше по западному побережью Камчатки на юг. Уже ярко светило весеннее солнце, снег местами растаял, и казакам пришлось идти пешком за нартами⁸. Впереди отряда шёл десятник Голыгин со своими казаками и он первым увидел в ущелье большую реку.

– Что за река? – спросил Голыгин у сопровождающих его камчадалов.

– Кажись, Нынгичу⁹, – ответил ему косматый старик.

– А куды же течёт река? – спросил его Голыгин.

– Незнамо куды, – ответил старик и махнул рукой. – Туды.

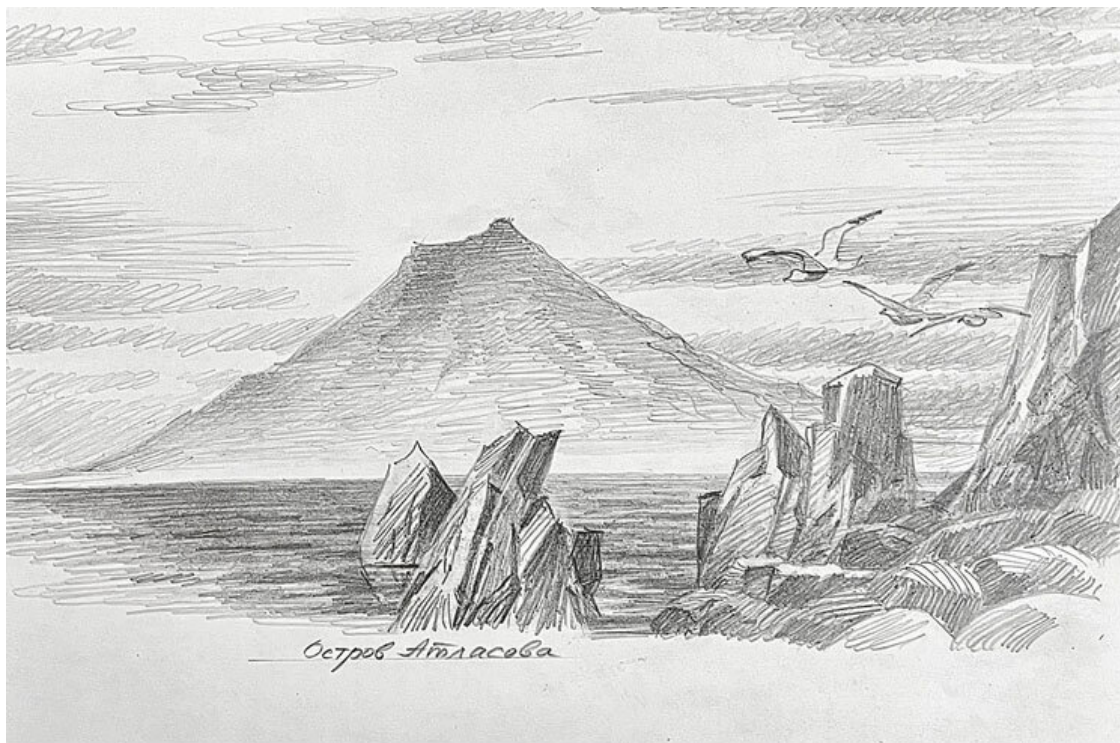
Когда Атласов с основным отрядом вышел на берег реки Нынгичу, то приказал ставить острожек и спешно изготовить байдаки¹⁰ для сплава вниз по реке. Он решил правильно: «Сия река течёт в большую реку, а та в море, и это конец Камчатки». Так Атласов, подгоняя своих людей, упрямо шёл навстречу своей судьбе. Он не знал, что его ждёт впереди, но был уверен в казаках и в свою удачу.

⁸ Нарты – оленьи сани.

⁹ Нынгичу – река Голыгина протекает по территории Усть-Большерецкого района Камчатки.

¹⁰ Байдаки – речная лодка якутских казаков.

Глава 3

AB

Весна 1698 года была в самом разгаре, реки вскрылись и сопки зазеленели. Казаки Атласова, перекрестившись, сели с камчадалами на байдаки и устремились вниз по течению реки Нынгичу в полную неизвестность. Вскоре, петляя, стремительная река стала расширяться, и казаки вошли в её скалистое устье. И... они увидели бушующее море!

– Море, – первыми закричали казаки десятника Ивана Голыгина, – но уж больно беспокойное.

– Вот оно, Охота-море, – проговорил Атласов, поглядев на камчадалов, новых царских подданных, – так кажись, называют сиё море?

– Да, да, – загалдели камчадалы, – оно кормит нас бобрами.

– Дошли! – радовались казаки, утирая лица своими шапками. – Куды таперя?

– Здесь будем ставить острог, – распорядился Атласов, – поспешайте казаки.

И сразу в лесу застучали топоры, казаки валили деревья и готовили брёвна для срубов изб. Вскоре юкагиры пригнали в лагерь оленей и стали ставить крепкий загон из слег, а потом поставили чумы и кучей сложили нарты до следующей зимы.

– Работа пошла, к вечеру будет крыша над головой, – усмехнулся Атласов.

Посмотрев на скалы, нависавшие над рекой, он весело сказал казакам:

– Надо б осмотреться, други. Айда на гору.

Атласов с Иваном Голыгиным полезли на скалы, а казаки поспешили за ними. Пробираясь вверх между огромными камнями, Атласов подумал: «Неча время терять», и обернувшись, велел Голыгину:

– Ты Иван, вот что, возьми с десятка казаков, пару камчадалов и иди в верховья Нынгичу... и без достойного ясака не возвращайся.

Наконец, казаки поднялись за Атласовым на высокий утёс, далеко упирающийся в море, и обомлели... какая ширь морская! А Атласов уверенно прошёл на самый край утёса и, сложив руки на груди, стал с любопытством вглядываться в морские дали. Ветер трепал его волосы, а он, широко раскрыв рот, вдыхал морской солёный воздух. Вдруг, он зычно закричал:

– Вижу, братья, вижу!

– Что, где? – в недоумении заговорили казаки, стоящие сзади него.

– Да, вона, какая дивная гора, да ещё курится, – воскликнул Атласов, увидев очертание огромного вулкана.

Камчадалы, сопровождавшие Атласова, пояснили:

– Это вулкан Аланд, извергающий огонь! А далее далёкие острова айнов!

Атласов ухмыльнулся в бороду и произнёс:

– Вот пойдём, казачки, на эти острова и заясачим айнов-курильцев. Только на чём идти?

Атласов стоял на утёсе, широко расставив ноги, суровый, неприступный и мучительно думал: «Как же добраться до Аланда»?

Морской ветер дико свистел в ушах, трепал полы его потёртого кафтана, и как бы говорил ему: «Думай, Атласов, думай».

Казаки, стоящие с ним, притихли и боялись слово вымолвить.

«Надобны кочи¹¹!» – наконец, решил Атласов и, повернувшись к казакам, заорал:

– А вы чо рты раззявили? Тикайте вниз и ставьте избы, не то ночевать будет негде! Вона на одной уже крыша ставлена.

Казаки с гиканьем спустились со скал вниз. Вскоре крыши покрыли тёсом, навесили двери, и каждая изба стала крепостью. Потянуло дымком костров и вкусно запахло, это в котлах варили уху. Заночевали казаки уже под крышами свежесрубленных изб, и в устье реки Нынчугу появился ещё недостроенный, но уже грозный острог Большерецкий – будущая русская твердыня на Камчатке.

В приказной избе острога было тихо, и только где-то жужжал шмель. Приказной Атласов удобно расположился на медвежьей шкуре и, вспоминая, писал на клочке бумаге: «...а против первой Курильской реки на море видел, как бы острова есть...» Как, вдруг, в дверь ворвались казаки и закричали:

– Володимир, убили десятника Голыгина, а мы с ясаком еле уткли.

– Где? На реке Нынчугу? – вскричал Атласов, – Сбирайтесь, отомстим камчадалам!

Казаки на байдаках спешно поднялись вверх по реке Нынчугу и неожиданно напали на камчадалов, праздновавших свою победу. Казаки дали несколько залпов из ружей – десяток дикарей упало, а остальные разбежались. А оставшиеся камчадалы с детьми, прижатые к скалам, запросили пощады. Атласов великодушно простил, взяв с них двойной ясак, и с телом погибшего Голыгина вернулся в Большерецкий острог. Похоронили казака Ивана Голыгина на высокой скале. На могиле поставили крест, обложив камнями, а реку Нынчугу назвали его именем.

Сразу после похорон Атласов велел казакам собираться в поход. Он решил идти на реку Ичу, достроить там крепость и, пополнив ясак, вернуться в Анадырский острог. Верные камчадалы доложили казакам, что коряки, узнав о возвращении Атласова с Камчатки, задумали перехватить его на пути в Анадырский острог. Поэтому Атласов не рискнул отправляться зимой, ведь по следам отряда можно было бы легко настичь его обоз. Он разумно остался на зиму в остроге Ичи залечивать свои раны.

И только 2 июня 1699 года Атласов с 15 казаками и 4 юкагирами, местным тойоном¹² и японцем Денбеем скрытно добрались до Анадырского острога. С собой они привезли большую

¹¹ Коч – мореходное парусное судно.

¹² Тойон – местный князёк.

«государеву казну»: 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводушек, 19 каланов, одну соболью парку и прочую «рухлядь».

Так завершился знаменитый камчатский поход Владимира Атласова, своенравного, решительного и очень смелого сибирского казака-завоевателя, который положил начало окончательному закреплению Камчатки за Россией. Конечно, приказной Атласов, первый исследователь Камчатки, не был романтиком, но его всегда тянуло тайное и неизведанное, и он уже мечтал о покорении богатых морских островов. И уже тогда Атласов, знавший грамоту, стал составлять «скаска», некие сообщения о Камчатке и морских островах айнов. Потомки недаром прозвали Владимира Атласова «камчатским Ермаком» и по заслугам, а остров Аланд назвали его именем.

Глава 4

AB

1700 год. Холодный осенний день на Камчатке клонился к концу, а буря свирепствовала в Калыгирской губе Боброва¹³ моря, и который день не умолкала. Морские волны с грохотом накатывались на прибрежные скалы и, пенясь, заливали юрты прибрежного поселения камчадалов. Они в ужасе бросали свои жилища и прятались на скалах. Там они, поднимая руки к небу, просили помощи у своих Богов. Но не все камчадалы тряслись от страха... На скале, наперекор стихии, стояли воины племени камчадалов-ительменов¹⁴, воинственные жители Камчатки во главе с гордым вождём. Воины ожидали нападения с морских островов враждебных айнов, которые часто высаживались в их владениях, в поисках добычи морского зверя. Они напряжённо вглядывались в разгневанное море, словно вызывали его на бой.

Но вот вдали в бушующем море показалось неизвестное судно, давно лишённое своих мачт. Теперь это судно, как щепку, швыряло в разные стороны, и огромные морские волны с диким воем несли судёнышко на прибрежные скалы. На судне металась какие-то люди, они в отчаянии кричали и готовились к неминуемой смерти. Самые отчаянные из них бросились в бушующие волны, надеясь как-то доплыть до берега. Ещё мгновение, и судно с треском ударилось о скалы, и его обломки разлетелись по каменистому берегу. Спаслись лишь моряки, рискнувшие покинуть корабль. Они, пользуясь морским приливом, кое-как достигли безопасного берега и, отдышавшись, стали пробираться через камни к своим спасшимся товарищам. За ними, молча, наблюдали ительмены-камчадалы. Наконец, решившись, они с воплями напали на десяток измученных моряков. Четверых, оказавших сопротивление, они убили, а остальных

¹³ Боброво море – Берингово море.

¹⁴ Ительмены – одна из коренных народностей Камчатки.

взяли в плен. Камчадалы ликовали, радуясь своей удаче, ведь теперь у них есть рабы, правда, совсем непохожие на айнов. Они содержали пленников в балаганах и прятали от казаков.

В 1702 году в Калыгирской губе, по приказу якутского воеводы Траурнихта, служилые казаки из отряда Ивана Козыревского собирали ясак, и вдруг в поселении камчадалов они обнаружили спрятанных в балагане пленников, явно иноземцев. Когда Козыревский узнал, что у камчадалов уже два года томятся иноземные пленные, велел их немедля выкупить и привести к нему. Как же, выкупить?! Казаки просто напали на камчадалов и, отбив четырёх пленённых моряков, доставили Козыревскому в Большерецкий острог. Озадаченные казаки долго бродили вокруг приказной избы острога, не понимая, что так долго их предводитель возится с иноземцами. А Козыревский накормил голодных моряков, и два дня потратил на то, чтобы как-нибудь на пальцах, либо жестами разговаривать с узкоглазыми иноземцами. Среди них нашлись моряки, которые освоили простые русские слова. Особенно ценным собеседником оказался самый опытный из них моряк по имени Сан. Уже через неделю Козыревский узнал у Сана и записал о том, что они японцы из государства Эдо, в котором семь городов, и расположено оно на большом острове в Пенжинском море, напротив «Камчатского Носа». Оный остров богат самородным золотом, серебром и изделиями из камок¹⁵, китайки¹⁶ и дабы¹⁷.

– Казаки, наши приключения продолжаются! – воскликнул радостный Козыревский, выходя из приказной избы. – Идём на богатое Эдо.

Конечно, никто из казаков не понял, да и откуда им знать загадочное слово «Эдо», но они восторженно приветствовали своего предводителя, потрясая саблями:

– Мы с тобой Иван Петрович, хошь в огонь, хошь в воду!

Козыревский с ясаком направился в Анадырский острог и там представил сведения японца Сана. Здесь он повстречал, вернувшегося из похода, Атласова и поведал ему о таинственном государстве Эдо. Сочиняя свои «скаска» о Камчатке и о неизведанных морских островах, Атласов понял, что пленный японец Денбей не соврал. Он быстро смекнул какую ценность имеют эти сведения и понял какая будет богатая добыча при захвате этих островов. И недолго думая, он поспешил в Якутск к воеводе Траурнихту, обсудить с ним организацию новых экспедиций на острова в Охота-море.

¹⁵ Камка – шёлковая ткань с узорами.

¹⁶ Китайка – плотная синяя ткань.

¹⁷ Даба – китайская бумажная ткань синего цвета.

Глава 5

Прибыв в заснеженный Якутск, приказной Атласов сразу направился к воеводе Траурнихту для доклада. Тот, хмуро выслушав неуёмного Атласова, подивился новостям и велел ему быть на совете якутского воеводства. В приказной избе Атласов сразу предстал перед военным советом, неохотно разбиравшим тёмные дела на Камчатке. Увидев огромного казака, приказчики совета сразу оживились. А якутский воевода напрягся, вновь увидев Атласова, от которого всячески хотел избавиться. Он нервничал: «Надо ж, Атлас с Камчатки вернулся живой и невредимый», а сам широким жестом пригласил Владимира Атласова присесть на скамью. Он оглядел совет и пробасил:

– Ну, Володимир, сказывай о Камчатке.

Атласов, расправив свою чёрную бороду, стал степенно рассказывать:

– Живут на Камчатке пустобородые коряки, с ними соседствуют чукчи, а на юге камчадалы – «мохнатые курильцы», те которые перебрались с морских островов. Они называют себя айнами. Первый морской остров, который я увидел с «Камчатского Носа»¹⁸, был остров Аланд. За ним есть и другие острова, на которых так же живут айны.

– Вот где жирная добыча, – разом заговорили приказчики совета, – надо б идти туда к айнам за ясаком!

А воевода прикрикнул на разгорячившихся советчиков:

– Тихо, пусть дальше сказывает.

Атласов подробно рассказал о своём походе на Камчатку, морских островах, о которых поведал ему японец Денбей, «через кои путь лежит в зело чудное Нифонское царство». И наконец, заканчивая, положил на стол свитки:

– Всё изложил я в своих «скасках» со слов камчадалов и японца. Вот они.

– Твой сказ, подтверждается сведениями Денбея, слова которого перевёл тутошний иноземец, – враз заговорили приказчики на совете. – А твои «скаска» надо б послать царю, чтоб он позволил идти на морские острова и вести торговлю с японцами.

– Толково мыслите! – рявкнул воевода и, посмотрев на Атласова, добавил. – Хвалю за службу! Володимир, твои сведения вельми нужные. Сбирайся в Москву к царю на доклад, да возьми с собой японца Дембея!

Так в 1702 году Атласов с японцем Дембеем и большим ясачным обозом был отправлен в Москву на доклад к царю Петру Алексеевичу. И только в Москве Атласов узнал, что японец, освоивший русский язык, по имени Татэкаву Дембей из города Осаки Узакинского царства. И что его корабль с рисом сильным течением вынесло на берег Камчатки, где японец попал в плен к дикарям и был спасён русскими казаками. Царь Пётр прочитал «скаска» первопроходца Атласова, дал добро на освоение новых морских островов и, повысив его в звании, отправил служить обратно на Камчатку.

Владимир Атласов, получив от царя чин казачьей Головы, вернулся в Якутск и сразу показал служивым людям свою власть. Служба на Камчатке была очень тяжелой, ведь стужа, голод и лишения окружали казаков повсюду. Ветераны, как могли, успокаивали молодых казаков, рвавшихся за приключениями в неизведанные земли, приговаривая:

– Терпите казаки службу царскую, придёт и ваш черёд прославиться!

Но больше всего казаки страдали от необузданной жестокости своих «начальных людей», и особенно казаков возмущало самодурство Атласова, ведь он не только жестко усмирлял волнения камчадалов, но и притеснял своих же казаков. Безнаказанно отбирая у них меха, он часто задерживал им жалование и поставку продовольствия. Поэтому в январе 1711 года обо-

¹⁸ Камчатский Нос – Камчатский полуостров.

злѐнные казаки, избрав на казачьем кругу атаманом Даниила Анциферова, подняли бунт, во время которого убили приказного Липина, а затем и самого Атласова. Так закончил свою жизнь знаменитый открыватель Камчатки Владимир Атласов.

А на казачьем кругу начались споры, драки, и никто не знал, что предпринять, ведь убили царских слуг. В круг вошёл Иван Козыревский и усмехнулся:

– Эти убийства, казачки, государственная измена, и карается она смертью. И никуда вы с Камчатки не сбежите!

– Что же нам делать? – спросил атаман Анциферов, оглядев притихших казаков.

– Придумаем что-нибудь, – загадочно ответил Козыревский.

И казаки придумали, чтобы загладить свои «вины», стали посылать в Якутск одну за другой челобитные, которые умело писал Иван Козыревский: «...мы сами уймѐм бунт камчадалов, и отправимся на острова курильцев-айнов, возьмѐм там ясак и приведем островитян в российское подданство, и всё за свой счѐт...» Но из Якутска не ответили казакам, а на военном совете вовсе отмахнулись:

– Неча разговаривать с бунтарями.

Кровавые волнения камчадалов на Камчатке не утихали. Надобно было немедля усмирить их, но кем и как? И пришлось якутскому воеводе согласиться с казаками-бунтарями, и поэтому он утвердил их предложения, послав грамоту Камчатскому воеводству о подготовке похода на морские острова айнов. А сам решил: «Пусть покамест добудут ясак с айнов-курильцев, а там разберѐмся с казачками-бунтарями и накажем их по закону».

Атаман Даниил Анциферов из Нижне-Каменского острога двинулся в поход за «рухлядь». Он с казаками прошѐл весь Камчатский полуостров с севера на юг и, по пути жестоко подавив бунты камчадалов, достиг зимовья на реке Большой. Здесь атаман Анциферов велел построить байдаки, и стал готовиться к походу через переливы на морские острова курильцев-айнов. Воины местных айнов, скрываясь за скалами, уже следили за казаками и вынашивали свои планы нападения на отстающих чужаков, чтобы добыть их ножи и сабли.

Курилы

AB

Глава 1

На юге Камчатского края издавна обитали камчадалы-ительмены, а с ними соседствовали айны-курильцы, переселившиеся с морских островов. Это были сильно обросшие волосями люди с лицами непохожими на местных жителей Камчатки, и поэтому казаки, увидев их, прозвали «мохнатыми». Они из леса с любопытством следили за пришельцами, рубившими стены и башню острога на реке Большой, и разбегались, увидев множество казаков, выходящих из ворот крепости.

В 1713 году из Большерецка по приказу камчатского воеводы атаман Даниил Анциферов с казаками отправился в поход на овладение двух морских островов. Есаул Иван Козыревский, умевший рисовать карты, тоже принял участие в этом деле. Казаки на бударах¹⁹, а ясачные камчадалы на небольших байдарах, вышли из устья реки и, пройдя вдоль морского побережья, прибыли к «Носу Лопатки», к самой южной оконечности Камчатского полуострова. И совершенно неожиданно, через торчащие в море скалы, они увидели в сизой дымке огромный остров.

– Вот он каков, – удивлялись казаки, – большо-ой остров!

– Шум-шу, – пояснили камчадалы, – мы сюды ходим на мену с айнами.

Море было спокойно и только небольшое быстрое течение вод виднелось в дали, и поэтому казаки без приключений переправились через «переливы» на этот первый остров. На берегу острова их встречали миролюбивые айны с женщинами и детьми. Они оделись в праздничные одежды из нерпичьей кожи, украсили себя птичьими перьями, и радовались, увидев среди высадившихся казаков знакомых камчадалов. Ведь островитяне были в родственных отношениях с ними, да и разговаривали они на смешанном диалекте, понимая друг друга. Камчадалы часто торговали с айнами, устраивая через «переливы» торжища, и теперь ожидали новых товаров для обмена. Но, несмотря на праздничное столпотворение айнов, казаки настойчиво высадились на берег и пиками стали раздвигать толпы дикарей. Расчистив путь для своего атамана, они остановились перед двумя старейшинами, гордо стоящими в окружении своих соплеменников. Атаман Анциферов в сопровождении толмача-камчадала важно вышел навстречу к вождям и, вдохнув побольше воздуха, зычно прокричал:

– Велю племенам признать российское подданство... и внести в казну ясак, по одному бобру с души.

Как только камчадал перевёл эти слова, айны дико завопили, а старейшина, что постарше, с достоинством ответил:

– На острове нет бобров. Мы промышляем нерпу, которая нас кормит и одевает.

Один из казаков, Григорий Переломов, дружка атамана, увидел на старейшине бобровую накидку и закричал:

– Ворот-то из бобра, а значит, у них есть «рухлядь».

– Нам привозят бобров и лисиц на обмен с острова Парамушир, вон с того, что за переливами, – ответил один из старейшин, показывая на юг.

– Так живо наменяйте бобров в казну русского царя, – закричал Анциферов, – не то худо будет.

– Это невозможно. Настала осенняя пора, и на остров не переплыть, – ответили вожди и отступили назад за спины воинов, неожиданно появившихся перед атаманом.

– А нам-то, какое дело, – кричали казаки. – Несите бобров.

И громче всех кричал Переломов:

– Не то силой возьмём!

¹⁹ Будара – длинная лодка, выдолбленная из одного ствола дерева с наращенными бортами из досок.

Из толпы айнов сразу послышались яростные крики и угрозы, а женщины с детьми поспешили вглубь острова. Казаки, почувствовав опасность, приготовились к худшему, а атаман Анциферов стал пятиться и скрылся за их спинами. Воины айнов, потрясая копьями, с воплями бросились на казаков. Полетели стрелы.

– Робята, заряжай, – послышалась команда атамана. – Казаки расступись – пли!

Раздался страшный грохот из нескольких пищалей и фузей²⁰. Всё смешалось в толпе айнов, послышались вопли, и раненые со стонами попадали на камни, а из-за спин дикарей появились новые воины, страшно крича, они с копьями бежали на казаков.

– Готовь-сь, робята. Пли! – и толпа дикарей с воплями пустились наутёк.

И только теперь казаки смело отправились вглубь острова. Найдя поселения айнов, они построили волосатых дикарей в ряд и привели в российское подданство. А вот ясак им пришлось взять не бобрами, а нерпой и вещами, которые попадались им под руку. Анциферов с Козыревским вышли на южное побережье острова Шумшу и увидели грозные воды «перелива», за которыми еле виднелся остров.

– Парамушир! – воскликнул Козыревский.

– Да, это второй морской остров, – подтвердил атаман.

– Поро-мосири, так называют остров айны, то есть большой остров, – подсказали камчадалы.

Течение между островами было настолько стремительным, что казаки не рискнули пуститься в погоню за отчаянными айнами, и тем более идти на второй остров за ясаком, хотя и очень хотелось.

– С чем же мы явимся к Колесову? – спросил Козыревский атамана, – ведь нам велено привести в подданство оба острова и привезти достойный ясак.

– Во, во – поддержал его Переломов, – за такой ясак нам приказчик не простит убиенного Атласова. Живо закуёт в кандалы.

– Не бойсь, – ответил атаман Анциферов, усмехнувшись, – пойдём к камчадалам и там возьмём «рухлядь».

– Ну и ну, – пожал плечами есаул Козыревский, – а впрочем, тебе виднее, хотя знаю, озлятся камчадалы, ведь мы уже брали с них дань.

– Завтра же иди к камчадалам за «рухлядью», – нахмурился атаман, – а опосля пойдём с тобой в Нижнекаменский острог на поклон к приказчику. Расскажем о наших приключениях, а ты нарисуешь ему карту островов.

– Добре, – ответил Козыревский, а сам подумал: «Часть ясака обязательно спрячу, а деньги сгодятся на постройку морских кочей. Вот тогда и побываем мы на всех островах «курильцев».

²⁰ Фузея – дульнозарядное, гладкоствольное ружьё с кремнёвым замком.

Глава 2

Занесённый снегом, Нижнекаменский острог притих, и только из оконца приказной избы слабо пробивался свет лучины. Приказчик Колесов, уже который день передавал дела прибывшему из Якутска новому приказному Василию Савостьянову, рассказывая ему о похождениях своих казаков. Когда в избу с шумом вошли атаман Анциферов с есаулом Козыревским, то приказчик Савостьянов от неожиданности вздрогнул и насторожился. Сидевший с ним за столом Колесов строго посмотрел на атамана и велел рассказывать. Анциферов стал докладывать о том, что казаки побывали на двух островах и привезли богатую добычу, но Савостьянов неожиданно прервал его речи и закричал:

– Ты даёшь ложные показания и скрывает, что не был на втором острове Парамушире.

Атаман удивился осведомлённости нового приказчика и умолк. Он не знал, что его товарищ, ходивший с ним в поход на Шумшу, казак Переломов был схвачен, как участник убийства Атласова и на допросе поведал о «подвигах» казаков на острове.

– А ещё ты замешан в убийстве Атласова, – разошёлся Савостьянов. – Взять его под стражу!

В дверь приказной ввалились два огромных казака и схватили атамана за руки. Анциферов завопил:

– Помилуй, я ведь привёз ясак и сполна. И какая разница, откуда эта «рухлядь»?

Савостьянов сразу успокоился и подумал: «Действительно, что толку в том, что атаман будет сидеть в «яме»? Лучше пусть послужит мне».

И, поглядев на взбешённого Анциферова, ухмыльнулся:

– Ясак ты хороший доставил, и на первый раз тебя прощаю. А пока отправляйся в Большерецк и возьми «мягкую рухлядь» с камчадалов на речке Авачу, будь осторожен с ними, и помни, ты под следствием... Отпускаю!

Савостьянов перевёл взгляд на есаула и удивился:

– А ты Козыревский, что насупился? Рисуй чертёж острова Шумшу.

Сам же подумал: «И этот казачок пусть покамест послужат у меня, а в поруб его всегда посажу».

Колесов же, мрачно сидевший за столом, сразу смекнул: «Донесу я на тебя Васька и останусь приказчиком на Камчатке на всю свою жизнь».

Камчадалы, узнав о походе Анциферова на реку Авачу, решили отомстить за его алчность и за двойной ясак на реке Большой. В своих зимовьях они достойно встретили атамана Анциферова с казаками и устроили пир. Гости захмелели, и камчадалы устроили на ночь атамана с казаками в балагане с крепкими тройными дверями. Бдительный атаман на всякий случай взял с собой на ночлег двух аманатов²¹ и залёг спать. Ночью, тихо убив охрану, камчадалы со всех сторон подошли к балагану, из которого никто не смог выбраться. Так бесславно погиб атаман Анциферов.

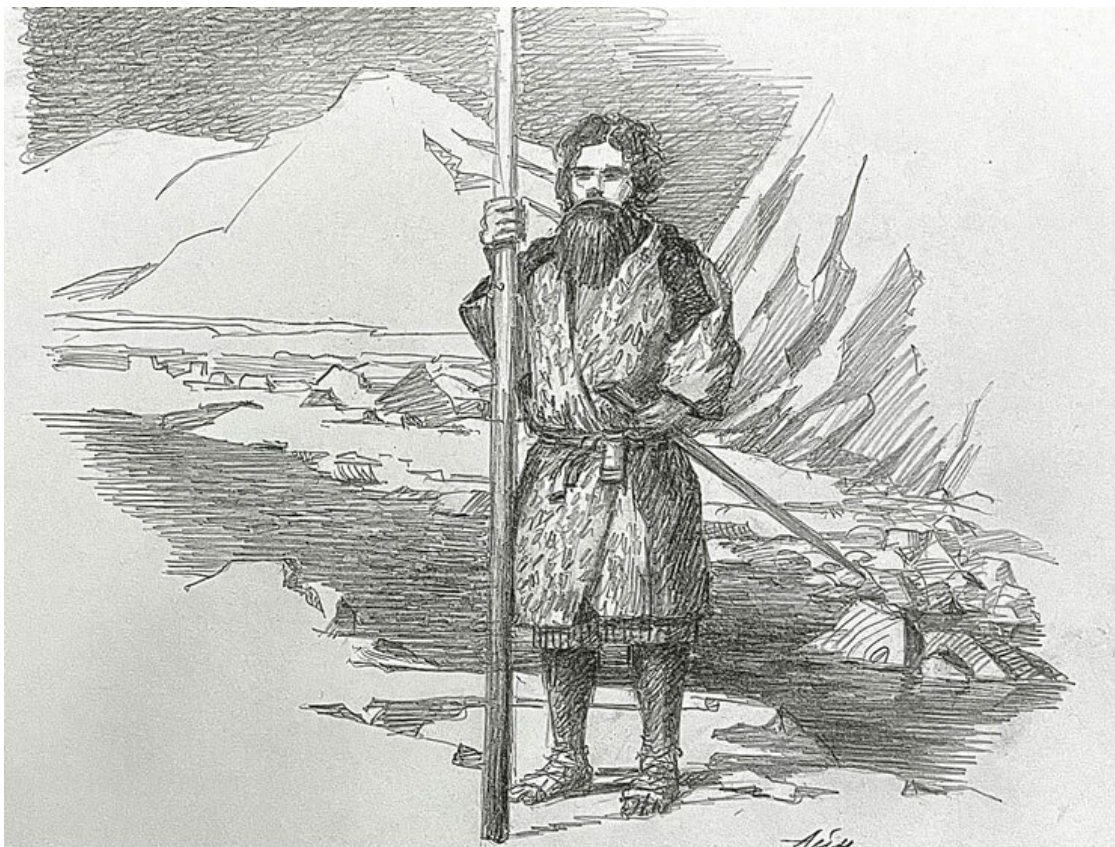
Приказчик Василий Савостьянов узнал от своих доносчиков, что Колесов послал гонца к воеводе. Он сразу догадался, что гонец послан с доносом на него, и сел писать оправдательную челобитную. Как только он, обмакнув перо в чернильницу, начал писать, как в дверь ввалился камчадал со страшной вестью о трагической смерти Анциферова. Савостьянов немедленно послал казаков, велел им сжечь поселение на речке Авачу, а с остальных камчадалов взять большой ясак. Провожая казаков, он с крыльца махнул им рукой:

– В путь, казачки! С Богом!

²¹ Аманаты – заложники из родовой знати.

А сам подумал: «Жаль атамана. Я же предупреждал его, надобно с дикарями поласковее. Впрочем, туда ему и дорога, бунтарю», – и сел дописывать челобитную на Колесова.

Глава 3

AB

Колесов вовремя сумел донести на Савостьянова, посмеявшего оставить на службе атамана бунтарей Анциферова, и поэтому в 1712 году был вторично назначен приказчиком на Камчатку. Несмотря на трудности, Колесову удалось окончательно подавить казачий бунт на Камчатке. Одних казаков за убийства он казнил, других наказал кнутом, а вот Козыревского «пощадил», чтобы заполучить от него чертёж переливов и морских островов, что за «Носовой землицей». Вначале он лаской пытался из него вытянуть эту тайну, потом угрожал. И только после пытки Козыревский начертил остров Шумшу и гряду островов по описанию курильцев. Но этому чертежу веры было мало, и тогда злобный Колесов решил послать подследственного Козыревского в поход на острова Шумшу и Парамушир под присмотром верных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.